

УДК 811.161.1'373.612.2

Матова Ю.В.
(Саратов, Россия)

МЕТАФОРА ПРОФЕСІОНАЛЬНОЇ ДЕЯТЕЛЬНОСТІ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

У статті розглядається метафора професійної діяльності в аспекті її функціонування, регулярності використання у сучасній комунікації, а також її ролі у формуванні мовної картини світу російського етносу.

Ключові слова: картина світу, метафора, соціальна оцінка, конотації.

В статье рассматривается метафора профессиональной деятельности в аспекте ее функционирования, регулярности использования в современной коммуникации, а также ее роли в построении языковой картины мира русского этноса.

Ключевые слова: картина мира, метафора, социальная оценка, коннотации.

The article studies the metaphor of job names in the aspect of its functioning, frequency of use in modern communication, and its role in expressing the worldview of Russian people in the language.

Key words: worldview, metaphor, social appraisal, connotations.

Как отмечают современные исследователи, метафора играет значительную роль в формировании языковой картины мира [1: 6; 2: 51]. Особое место в метафорической системе языка занимает социальная метафора, поскольку продуктивность различного типа социальной лексики как источника метафоризации не раз отмечалась в литературе [3: 17-59; 4: 388-392; 5: 295-336; 6: 72, 92-93; 7: 94-99, 427-432]. Нами для исследования избрана одна из значимых частей социальной метафорической макросистемы – метафора профессиональной деятельности.

Материалом для исследования послужили данные толковых, семантических словарей, словарей синонимов, а также база Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Обращение к корпусным данным помогло обнаружить целый ряд продуктивных метафорических переносов, не отраженных в словарях.

Результатом анализа языкового материала стало выявление 85 номинаций профессиональной деятельности, которые активно используются носителями русского языка в прямом и переносном ЛСВ. В ходе исследования было обработано более 281 тысячи вхождений данных номинаций в НКРЯ.

В целом наиболее регулярно метафорические значения развивают единицы трех тематических групп:

1. «Традиционная профессиональная деятельность», включающая подгруппы (1) «земледелие и скотоводство»; (2) «промысел»; (3) «простейшие ремесла, народные промыслы»; (4) «строительство»; (5) «обслуживание»; (6) «транспорт, перевозки»; (7) «медицина, врачевание»;

2. «Искусство и творчество», включающая подгруппы (1) «архитектура, изобразительное и прикладное искусство»; (2) «литература и журналистика»; (3) «музыка и пение»; (4) «театр и цирк»;

3. «Торговля и финансы».

В число наиболее продуктивных единиц не входят номинации профессий, появившихся в обществе недавно, относительно новых для носителя языка. Возможны отдельные окказиональные примеры, однако они не показательны для изучения языковой картины мира этноса. Как правило, источником метафоры выступают номинации деятельности, имеющей длительную историю существования в рассматриваемом обществе: сюда могут относиться занятия, сохранившиеся на современном этапе, а также неактуальные виды профессиональной деятельности (*извозчик, пряжа* и пр.). Такой состав источников метафоры позволяет сделать вывод о том, что модели метафоризации носитель языка усваивает из прецедентных текстов: поэтому активны переносы с номинациями устаревших занятий, по-прежнему функционирующие в текстах, и непродуктивны единицы, обозначающие новые виды деятельности.

Показательно, что модулем сравнения при переносе могут служить денотативные, сигнификативные и прагматические (культурно-исторические, символические и др.) компоненты семантики первичного ЛСВ. Так, метафоризация номинаций профессиональной деятельности в современном русском языке регулярно мотивирована характером определенного вида занятий, особенностями поведения, специфическими действиями людей конкретной профессии, а также подобием некоторых внешних денотативных характеристик. Например, *Пять тонн от единого верного рыбка повернулась с легкостью балерины* (движение промышленного агрегата ассоциируется с танцем балерины, характерными признаками которого является легкость и изящество); *город-купец и промышленник; с ловкостью акробата; вскидывала руку вдохновенным жестом дирижера; потянулся большим ладным телом танцовщика; с ловкостью фокусника сворачивая замысловатые кренделя из теста* и пр.

Однако характерной чертой метафоры профессиональной деятельности в современном русском языке является актуализация прагматического компонента в семантике источника. Так, 55 единиц из 85 выделенных образуют переносные значения на базе образно-ассоциативных комплексов. Набор прагматических признаков, выступающих основой переноса, может быть весьма предсказуемым (ср.: *мясник* → ‘жесткий человек’; *поэт* → ‘личность, обладающая творческим потенциалом, художественным вкусом’) или диффузным (ср.: *сапожник* → ‘грубый, ограниченный, неумелый человек’; *пианист* → ‘физически привлекательный, утонченный человек’).

Безусловно, прагматический компонент является следствием оценочной деятельности индивида. Тип оценки определяется социальными факторами, системой национально-культурных ценностей и стереотипов, которые существуют в социуме в конкретный период его развития. По справедливому замечанию Е.М. Вольф,

«элементы ценностной картины мира, которые не отражаются в семантике языковых единиц, если речь идет о прямых значениях, могут составлять основу метафорических концептов, которые реализуются в оценочных смыслах метафор» [8: 56].

Так, в русской лингвокультуре преимущественно положительно оценивается обществом различного рода созидательная деятельность, прежде всего – земледелие, строительство, кузнечное дело, что поддерживается традиционными образами. Переносное значение лексемы *пахарь* преимущественно используется для обозначения ‘трудолюбивого, честного, простого, преданного делу человека’ (*Они легко двигались по служебной лестнице там, где честные пахари шли от ступеньки к ступеньке долгими годами; Булгаков начисто лишен генеральского, парадного лоска. Он действительно напоминает обычного работягу, «пахаря». Впрочем, он и есть «пахарь» войны*). Метафорические производные лексемы *строитель* употребляются при характеристике процесса развития, создания чего-либо (*О море! Души моей строитель!*; ... многие из них созданы величайшим строителем природы – водой), при описании социальных преобразований, причем получающих одобрение общества (*строитель социализма, строитель новой жизни, строитель гражданского общества, великие строители земли Русской* и пр.). *Кузнец* метафорически также осмысляется как ‘создатель, творец чего-то хорошего’, однако чаще подчеркивается не масштабность социальных преобразований, а изменение личной судьбы человека (*кузнец своего счастья и здоровья, кузнец своей судьбы, кузнец женского счастья*).

Положительно обычно оценивается и деятельность, связанная с врачеванием: *лекарь* – ‘что-либо, помогающее справиться с трудностями’ (*Оптимизм – великий лекарь; Время – прекрасный лекарь*).

Мелиоративный прагматический компонент регулярно содержат переносы из тематической группы «Искусство и творчество», они дают обобщенную характеристику личности, обладающей творческим потенциалом, воображением и художественным вкусом. Это свидетельствует о положительном отношении русского этноса к наличию творческих способностей. Например: *Книга хороша потому, что учит редактора быть художником; Значит, ваш любимый – истинный поэт в душе, у него большой творческий потенциал; Средневековые богословы считали, что архитектор – это композитор*.

Интересно, что у носителей современного русского языка формируется система устойчивых ассоциаций относительно внешности представителей определенных творческих профессий. Именно эти признаки регулярно становятся базой для формирования образных метафор в предметной сфере, прежде всего – при мелиоративной номинации внешности человека. Например: *Высокий ясноглазый молодой человек с красивым породистым удлинённым лицом и светлыми волосами назад. Он походил на поэта; Красивый утонченный папа, как музыкант, в народе говорят: как пианист*.

Как правило, пейоративную оценку получает деятельность, не связанная с созидательным трудом и производством материальных благ: прежде всего – торговая деятельность, промысел.

Во многих религиозных текстах купцы, одни из древнейших торговцев, причислялись к «нечистым» профессиям, а Иоанн Златоуст говорил, что «ремесло купца неугодно Богу» [9:100]. Сегодня прямое влияние религиозной литературы на формирование

переносных значений лексем данной группы утрачено, однако сохраняется пейоративная оценка торговой деятельности как занятия, преследующего цель наживы, получения материальных благ без физических усилий.

Особенно продуктивен перенос ‘человек, занимающийся торговлей’ → ‘хитрый, мелочный человек, обманщик’. Например: *Они – лавочкики, вся их политика – близоруха, трусливая, колебная; ...гибрид, у которого будут чистые руки чекиста и изворотливый ум коммерсанта; ...действовал с ловкостью и хитростью, проницательностью торговца; ...они оказались продавцами воздуха [занимались сомнительными сделками]. Часто торговцы воспринимаются носителями языка как люди беспринципные, готовые на всё ради наживы: *Такие дети такой стране были на фиг не нужны – и она толкнула их первому попавшемуся оптовому [иностранному государству] в числе прочего природного сырья; ...давно превратились в лавочников от политики, беззащитливо торгуют брендом Аграрной партии.**

Подавляющее большинство переносов из сферы «Торговля и финансы» характеризуется резко негативной оценкой торговой деятельности говорящим. Многие метафоры отмечены эмоционально-оценочным отношением презрения. Например: *Что могут ему сделать жалкие продавцы духовных заразы [служители культа]?; В последние годы поток наших новоявленных корабейников [челноков] хлынул в Дубай.*

В системе метафор торговых профессий отражено неодобрительное отношение русского этноса к излишней расчетливости, корысти, погоне за богатством (ср. поговорки: *Большая добыча хуже малой; и люди позавидуют и самому не впрок; Неправедная корысть впрок нейдет*). По убеждению носителя языка, истинные ценности несопряжымы с деньгами (ср. поговорку: *Доброго солдата не покупают, а выбирают*). Так, обладатели подлинного таланта не станут на нем наживаться. Поэтому достаточно регулярно обнаруживаем перенос ‘человек, занимающийся торговлей’ → ‘бездарный творец’: *...нужно знать меру и уметь вовремя остановиться. Это и отличает Писателя от коммерсанта; все это от начала до конца выдуманно литературными лавочниками [невыдающимися писателями]; ...настоящий художник – в отличие от брата, который является образцом творца-коммерсанта.*

Рыболовство, подобно вышеперечисленным занятиям, не относится к созидательным видам деятельности, оно связано с получением материальных благ путем использования богатств, существующих в природе. *Рыбак* метафорически понимается как ‘человек, наживающийся на других, использующий других в собственных целях’ (*Он говорил именно об олигархах: в России «есть рыбаки, которые уже много наловили»; Все смешалось в доме Титовых, все заговорили разом, мать заплакала, отец утешал ее, прибежал рыбак из «Красной звезды»...), ‘человек, не желающий зарабатывать собственным созидательным трудом, предпочитающий ждать прибыли извне’ (*К «рыбакам» я отношу людей, которые забрасывают свои удочки в мутную водицу в надежде поймать огромную «рыбу-удачу»*).*

Пейоративную оценку получают зрелищные виды искусства, связанные с семантической сферой «Игра». Это происходит, поскольку, с одной стороны, результат их труда не имеет «материальной» формы, с другой – они предстают перед зрителями в особой ипостаси (становятся как бы иными, не равными самим себе). Поэтому в сознании

современных носителей языка при формировании переносов актуализируются признаки ‘несоответствие действительности’, ‘несерьезность занятия’. В метафорических значениях эти и подобные модули сравнения трансформируются в признаки – ‘ложь, обман’, ‘неискренность’, ‘притворство’ и др. Например: *В душу закрадывается нехорошее подозрение, что мы имеем дело не с верховным правителем России, но с более или менее талантливым актером, который перед страной разыгрывает очередной занятный спектакль; Театр одного актёра, безусловно, жанр интересный, но не в политике.*

Наиболее последовательно отрицательная прагматическая оценка связана с цирковой деятельностью, причем за счет номинаций таких профессий, в которых признаки ‘несерьезность’, ‘несоответствие действительности’, ‘обман’ входят в когнитивное ядро первичного ЛСВ. Например: *Они ловко зазывали покупателей, умели всучить товар, как фокусники. Наш советский суд был судом, а не цирковой ареной, где выступают подобные вам клоуны.*

Тот факт, что процесс приготовления пищи недоступен глазу наблюдателя, порождает ряд негативных ассоциативных признаков у метафор из кулинарной сферы. Повар метафорически осмысливается как ‘ловкач, аферист, обманщик’ (*Кабинетного полковника Путину кремлевские повара политики превратили в Наполеона*).

Отрицательно воспринимается деятельность, связанная с убийством животных. Например, регулярно пейоративную оценку получают лексемы *охотник*, *мясник*: *Что мёртвые для папарацци, для охотников за сенсациями!; Искусство – это смерть живой жизни: оно ловит мгновенье, оставляя после встречи с ним памятник, – охотник за жизнью; Вы подумайте, тот мясник, кто меня оперировал, даже не появился!*

Кроме того, негативно русским этносом оценивается любая деятельность, связанная с руководством. Например: *А.Н. Яковлев, архитектор «перестройки», обличавший меня тридцать лет тому назад; Война в Чечне и в Ираке, техногенные катастрофы, цена на нефть, внешний долг России <...>. Режиссеры [о российских политиках] и их планы; Отсутствие дискуссии <...> превращает глобализацию в некую всемирную пятилетку с дирижерами и нормировщиками; Возрождение Великой России в планы Алексеева и его кукловодов из западноевропейских лож никак не входило.*

Нередко особенности профессионального поведения при метафоризации полностью нейтрализуются, при этом актуализируется признак социальной оценки представителя той или иной профессии как личности. Такая оценка основывается на уровне квалификации работника, степени сложности работы, престижности или непрестижности занятия. Социум склонен «приписывать» всем представителям определенной профессии ряд черт, ориентируясь на перечисленные показатели. Так, появляется оценка их личностных качеств, поведения, интеллектуальных способностей, что и становится базой для переносе (*Вы – сапожник в филологии, что вы понимаете?; Я вообще не люблю немок, потому что они по натуре – кухарки...; Бабуся только что ругалась матом, словно извозчик*).

Данный вид оценки особенно характерен для номинаций лиц женского пола по профессии, имеющих стилевые ограничения в русском языке: например, лексемы *учительница*, *повариха*, *продащица* недопустимы в официально-деловом стиле. Для со-

временного русского языка нередко следующие переносы: *учительница* → ‘женщина скромного внешнего вида’ (с *волосами, зачёсанными, как у народных учительниц; скромно одетая женщина, похожая на учительницу*), *повариха* → ‘полная женщина, грубоватого внешнего вида’ (*Полнотелые, белозубые, в возрасте – похожие на поварих*), *продавищица* → ‘женщина грубого внешнего вида’ (*невысокая кротобедрая женщина с грубоватым лицом продавищицы*).

Необходимо отметить, что для современного русского языка гораздо более характерны переносы с негативной оценкой: из 55 единиц, образующих переносы на основании прагматического компонента, 41 единица формирует метафоры преимущественно на базе негативных ассоциаций.

Итак, анализ языкового материала показал, что номинации профессиональной деятельности в современном русском языке представляют собой продуктивный источник метафоризации и играют заметную роль в создании языковой картины мира. В большинстве случаев основанием переноса выступает прагматический компонент значения. Кроме того, для современного русского языка характерно преобладание метафор профессиональной деятельности с негативной оценкой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.Н. Предисловие редактора // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М., 2004. – С. 7 – 21.
2. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. – Екатеринбург, 2008. – 248 с.
3. Баранов А., Караулов Ю. Русская политическая метафора (материалы к словарю). – М., 1991. – 193 с.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 387 – 416.
5. Балашова Л. История русской метафоры: когнитивный аспект. – Saarbrücken, 2011. – 536 с.
6. Складаревская Г. Метафора в системе языка. – М., 1993. – 152 с.
7. Степанов Ю. Словарь русской культуры. – М., 1997. – 824 с.
8. Вольф Е.М. Метафора и оценка// Метафора в языке и тексте. – М., 1988. – С. 52-65.
9. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. – М., 1990. – 396 с.